



ЮКИО
МИСИМА

СМЕРТЬ
В СЕРЕДИНЕ
ЛЕТА

18+

Большой роман (Аттикус)

Юкио Мисима

Смерть в середине лета

«Азбука-Аттикус»

1952-1963

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Мисима Ю.

Смерть в середине лета / Ю. Мисима — «Азбука-Аттикус»,
1952-1963 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24862-5

Бывшие любовники встречаются в Сан-Франциско, вдали от родной Японии, – что их объединяет, кроме грустных воспоминаний, и при чем тут термос? После неудавшегося путча офицер совершает харакири на глазах молодой жены. Четыре женщины в одну-единственную ночь в году должны, не произнося ни слова, перейти семь мостов, чтобы исполнились их желания, – задача простая, но добраться до конца пути удастся не всем. Семья пытается пережить то, что пережить невозможно, – гибель двоих детей, страх за оставшихся. Женщина на своем дне рождения теряет жемчужину, и от такой мелочи неузнаваемо меняются конфигурации дружбы и вражды между давними знакомыми. Внезапно явившаяся в лавку антиквара танцовщица срывает ему продажу старинного и очень ценного шкафа – интересно, зачем ей шкаф?.. Юкио Мисима (1925–1970) – звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, харакири после неудачной попытки монархического переворота). Мисима – бесконечно пронизательный и безжалостный наблюдатель, и сборник его рассказов «Смерть в середине лета» – непредсказуемый, порой шокирующий калейдоскоп, в котором сменяют друг друга жестокость и страсть, высокомерие и уязвимость, страх и любовь, душевная тьма и ускользящий свет. Половина рассказов и пьеса в этом сборнике публикуются на русском впервые.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-24862-5

© Мисима Ю., 1952-1963

© Азбука-Аттикус, 1952-1963

Содержание

Смерть в середине лета	6
Печенье на миллион	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юкио Мисима

Смерть в середине лета

Смерть в середине лета

В роскошное царствование лета смерть поражает нас сильнее...

III. Бодлер. Искусственный рай

В курортном местечке А., расположенном у южной оконечности полуострова Идзу, отличные пляжи – чистые и немногочисленные. Тут, правда, неровное дно и слишком большие волны, но зато вода прозрачна, а песчаные отмели словно специально созданы для купания. Единственная причина, по которой здешнее побережье еще не заполнили толпы отдыхающих, как в соседнем районе Сонан, – это неудобство сообщения: до местечка от станции надо два часа трястись на автобусе.

Гостиница «Эйракусо» и принадлежащие ей коттеджи – чуть ли не единственное место, где можно остановиться в А. Сувенирных лавчонок с камышовыми крышами, которые летом так уродуют песчаные пляжи, здесь одна-две, не больше. Покрытый белым песком берег необычайно красив, а в самом его центре, нависнув над морем, возвышается заросшая соснами скала, до того причудливая, что кажется творением мастера садового искусства. Во время прилива скала до половины скрывается под водой.

Вид на море прекрасен. Когда задует западный ветер, унося прочь туманную дымку, как на ладони видны далекие островки: Осима поближе, Тосима – подальше, а между ними крошечный треугольный конус Утонэсима. На юге, за дальним мысом Нанаго, виднеется еще один мыс – Сакаи, отрог того же горного массива, уходящий глубоко в морскую пучину; еще дальше выглядывают мыс Цумэки и мыс, именуемый Дворец Дракона Яцу, – по ночам с южной его точки по морю чертит круги луч маяка.

После обеда Томоко Икута легла подремать у себя в номере. Глядя на эту молодую женщину, свернувшуюся калачиком на кровати – из-под короткого бледно-розового платья высовывались круглые колени, – трудно было поверить, что это мать троих детей: пухлые руки, свежее личико, улыбочивый рот делали Томоко похожей на совсем юную девушку. Было жарко – на лбу и переносице спящей выступила испарина. Ровно жужжала муха, комната раскалилась от солнца, словно огромный медный колокол; ленивый безветренный день был в разгаре; плавно, в такт сонному дыханию колыхалась розовая ткань платья.

Почти все постояльцы гостиницы ушли на море. Номер Томоко находился на втором этаже. Прямо под окном стояли бело-синие качели, на просторном газоне были расставлены разноцветные стулья, столики; возле щита с колышками на траве валялись брошенные кольца. В саду не было ни души, лишь изредка пролетали пчелы, но шум прибоя заглушал их тихое жужжание. Сразу за живой изгородью начиналась сосновая роща, потом шла полоса песка, за которой уже пенились морские волны. Под зданием гостиницы протекал ручей, перед впадением в море он разливался пошире, и после обеда туда выпускали гусей, которые хлопали по воде крыльями и хрипло гоготали.

Итак, у Томоко было трое детей: шестилетний Киё, пятилетняя Кэйко и трехлетний Кацуо. Все трое отправились на пляж с Ясуэ, сестрой мужа Томоко. Молодая мать попросила безотказную золовку приглядеть за детьми, а сама решила немного поспать.

Ясуэ была старой девой. Когда у Томоко родилась дочка и ей стало трудно управляться с двумя детьми, она, посоветовавшись с мужем, пригласила золовку, жившую в провинции, в свой токийский дом. Трудно сказать, отчего Ясуэ не вышла замуж. Пусть она не была краса-

вицей, но все-таки и не уродина. К ней несколько раз сватались, но она всем отказывала, так и упустила время. Ясуэ души не чаяла в старшем брате и мечтала жить в Токио, тем более что домашние намеревались выдать ее замуж за какого-то богатого старика из местных. Так что предложение Томоко пришлось по душе.

Золовка умом не блистала, но зато имела ровный и покладистый характер. Она обращалась к Томоко как к старшей, хотя та была гораздо моложе, и вообще относилась к жене брата с подчеркнутым уважением. Со временем ее провинциальный говор стал почти незаметен. Она помогала Томоко по хозяйству, нянчила малышей, а после того как брат отправил ее на курсы шитья, стала вдобавок и обшивать всю семью. Ясуэ частенько ходила на Гиндзу¹, разглядывала витрины модных магазинов и, завидев платье или костюм нового фасона, тут же срисовывала его в специальный блокнот – продавщицы ей даже несколько раз делали замечания.

Сегодня Ясуэ отправилась на пляж в зеленом купальнике, самом что ни на есть наимоднейшем. Правда, он был не собственного ее производства, а куплен в универмаге. Ясуэ очень гордилась своей белоснежной кожей и не признавала загара, поэтому, едва выйдя из воды, спешила спрятаться под зонт. Детишки строили песчаную крепость, и Ясуэ от нечего делать тоже стала сыпать на свои ослепительно белые ляжки мокрый песок. Песок быстро подсыхал и осыпался, образуя на ногах затейливые темные зигзаги, посверкивавшие осколками ракушек. Вдруг, испугавшись, что грязь не отмоеся, Ясуэ быстро смахнула рукой всю эту красоту. Из горки песка выбралась какая-то полупрозрачная мошка и улетела прочь.

Ясуэ оперлась на локти, раскинула ноги пошире и стала смотреть на море. Над горизонтом громоздились слоистые облака; величественные и неторопливые, они, казалось, поглощали своим суровым сияющим безмолвием и крики, и плеск морских волн.

Лето было в разгаре, и в свирепом сиянии солнца чувствовалась чуть не ярость.

Детям надоело возиться в песке. Они побежали по мелководью, поднимая фонтаны брызг. Ясуэ тут же вышла из мечтательного оцепенения, вскочила на ноги и бросилась следом за племянниками. Однако дети не затевали ничего опасного – они и сами побаивались ревущих валов. Каждый раз, когда волна, разбившись, откатывалась обратно, вода на отмелях крутилась маленькими водоворотами. Киё и Кэйко, взявшись за руки, зашли в море по грудь и стояли там, чувствуя, как вода толкает их в спину. Песок медленно уходил из-под ног, было жутковато, и глаза обоих оживленно блестели.

– Будто кто-то за ноги тащит, ага? – сказал Киё.

Ясуэ подошла к детям и предупредила их, чтобы глубже они не заходили. Потом показала на оставшегося в одиночестве маленького Кацуо и поругала старших: как же это они оставили братика одного, пусть вылезает из воды и поиграют с ним. Киё и Кэйко не слушали тетку. У них была общая тайна – оба чувствовали, как песок потихоньку уползает из-под подошв. Брат с сестрой, не разжимая рук, переглянулись и засмеялись.

Стоять на солнце Ясуэ не нравилось. Она опасливо посмотрела на свои плечи, потом на грудь. Белая кожа напомнила ей снега родного края. Ясуэ слегка ущипнула себя повыше лифчика и улыбнулась – кожа была горячей. Тут она заметила, что под длинные ногти попали песчинки, и подумала: вернемся с пляжа, надо будет подстричь.

Когда она подняла глаза, Киё и Кэйко исчезли. Вышли на берег, решила Ясуэ. Однако на песке по-прежнему стоял один Кацуо. Малыш показывал пальцем в море, его личико странно кривилось.

У Ясуэ сжалось сердце. Она обернулась к воде. Волна как раз откатывалась от берега, и впереди, метрах в двух, в бурлящей пене, Ясуэ увидела маленькое смуглое тельце – вода вертела его и тащила прочь. Мелькнуло синее пятно – плавки Киё.

¹ Гиндза – один из центральных кварталов и ведущий фешенебельный торговый район Токио. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Сердце Ясуэ заколотилось еще сильнее. Молча, с искаженным от ужаса лицом она сделала шаг вперед. В этот миг высокая волна, каким-то чудом до самого берега не растерявшая силу, ударила Ясуэ в грудь и разбилась о песок. Женщина рухнула как подкошенная. С ней случился инфаркт.

Кацуо громко заплакал, к нему подбежал какой-то молодой человек. Потом сразу несколько мужчин бросились в воду. От загорелых тел бегущих во все стороны разлетались брызги.

Двое или трое видели, как Ясуэ упала, однако сначала не придали этому значения, думая, что она сейчас поднимется. Но в подобных случаях охватывает некое предчувствие, и теперь, ничего еще не зная, люди, спешащие на помощь Ясуэ, чувствовали, что дело неладно.

Ясуэ перенесли на берег и уложили на горячий песок. Глаза ее были широко раскрыты, зубы крепко стиснуты – казалось, она не отрываясь смотрит на что-то очень страшное. Один из мужчин попытался нащупать пульс. Пульса не было. Кто-то предположил, что женщина в глубоком обмороке. Один из толпы узнал Ясуэ и воскликнул:

– Эта женщина живет в «Эйракусо».

Решили послать за администратором гостиницы. Эта миссия досталась одному из местных мальчишек, и, боясь, как бы его не опередили, подросток понесся по песку к гостинице с невероятной быстротой.

Появился администратор. Это был мужчина лет сорока, в белых шортах и белой же мятой майке, подхваченной широким шерстяным поясом. Администратор заявил, что, прежде чем оказывать помощь пострадавшей, ее нужно перенести в гостиницу. Кто-то пытался возражать, но двое парней уже подхватили тело и потащили его вперед. Там, где лежала Ясуэ, на песке осталась влажная вмятина.

Кацуо, хныча, заковылял следом. Его тут же кто-то поднял и посадил на плечи.

Послеобеденный сон Томоко был прерван. Опытный в обращении с постояльцами администратор легонько тронул ее за плечо.

– А? – спросила Томоко.

– Тут такое дело... Дама, которую зовут Ясуэ-сан...

– Что с ней?

– Ее приводят в чувство. За доктором уже послали.

Томоко вскочила с постели и вместе с администратором поспешно вышла из номера. Ясуэ лежала в углу сада, на траве, рядом с качелями. На ней, оседлав неподвижное тело, восседал голый мужчина – пытался сделать искусственное дыхание. Тут же, в нескольких шагах, была наскоро навалена груда ящиков из-под мандаринов и ворох соломы, еще двое мужчин пытались развести костер. Огонь никак не желал разгораться, только дым валил – ящики и солома не успели просохнуть после вчерашнего ливня. Иногда, когда дым тянулся к лицу лежащей Ясуэ, еще один доброволец отгонял его веером.

От рывков подбородок Ясуэ то поднимался, то опускался, и всем казалось, что она уже дышит. По дочерна загорелой спине спасателя, пятнистой от просеянных сквозь листву лучей, стекали струйки пота. Раскинутые на траве белые ноги Ясуэ были мертвенно-бледными и неестественно толстыми. Ноги оставались равнодушными к отчаянной борьбе, в которой участвовала половина тела.

Томоко опустилась на землю.

– Ясуэ, Ясуэ! – взывала она. Потом, заливаясь слезами, быстро и невнятно запричитала: – Ой, неужели ее не спасут, что же это такое, да что я мужу скажу!

Вдруг Томоко резко обернулась.

– А дети? – спросила она.

Стоящий поблизости немолодой рыбак обнял за плечи испуганно надувшего губки Кацуо.

– Гляди, вон твоя мама.

Увидев сына, Томоко пробормотала:

– Приглядите за ним, пожалуйста.

Пришел врач и тоже стал делать искусственное дыхание. Костер наконец разгорелся, лицо Томоко покраснелось от жара, и она ни о чем уже не помнила. По лбу Ясуэ полз муравей. Томоко раздавила его пальцем и смахнула. Потом появился еще один – он прополз по колеблемым ветерком волосам, вскарабкался на ухо. Томоко раздавила и этого. У нее появилось дело – давить муравьев.

Четыре часа продолжались попытки оживить тело. Лишь когда признаки посмертного окоченения стали несомненны, врач сдался. Тело накрыли простыней и отнесли на второй этаж. Уже стемнело, и один из добровольных помощников, оставшийся не у дел, взбежал по лестнице и зажег в комнате свет.

Томоко совсем выбилась из сил, ею овладела бездумная, не лишенная приятности апатия. Горя она не чувствовала. Вспомнив о малышах, Томоко спросила:

– А где дети?

– Вроде, в гостиной, с ними Гэнго играет, – ответили ей.

– Все трое там?

– Этого я не знаю...

Люди стали переглядываться. Протиснувшись сквозь них, Томоко сбежала вниз по лестнице. Давешний рыбак, Гэнго, одетый в гостиничный халат, сидел в кресле с Кацуо, на плечи которого была накинута мужская рубашка. Они листали книжку с картинками. Кацуо на картинку не смотрел, он думал о чем-то другом.

Когда Томоко появилась в дверях гостиной, сидевшие там постояльцы, которые уже знали о несчастье с Ясуэ, перестали обмахиваться веерами и обернулись к молодой женщине.

– Где Кэй-тян² и Киё-тян?!

Кацуо испуганно смотрел на мать. Всклипнув, он тихо пролепетал:

– Кэй-тян и Киё-тян буль-буль.

Томоко, позабыв даже обуться, побежала на пляж. Сосновые иголки, которыми был усыпан песок в роще, больно кололи ей ноги. Вода поднялась, и теперь, чтобы попасть на пляж, пришлось сначала подняться на скалу, а потом спуститься. Сверху хорошо просматривался весь белый песчаный берег. Один-единственный желтый с белым зонт торчал в песке, Томоко сразу его узнала.

Подшли люди из гостиницы. Томоко потерянно бродила вдоль линии прибоя. Когда ее попытались увести, она раздраженно смахнула чужие руки с плеч:

– Вы что, не понимаете? Здесь где-то двое детей!

Не все присутствующие слышали от Гэнго про пропавших детишек, и эти люди решили, что Томоко от горя не в себе.

Может показаться невероятным, что за четыре часа хлопот над безжизненным телом Ясуэ никто не вспомнил о двух малышах, – ведь постояльцы привыкли видеть ребяташек втроем. Поразительно и то, что мать, как бы ни была она потрясена случившимся, не почувствовала опасности, угрожавшей ее маленьким детям.

Но иногда трагическое происшествие создает своего рода психологический водоворот, заставляющий каждого человека в толпе мыслить одним-единственным, наиболее примитивным образом. За пределы этой очевидной траектории выбраться непросто, еще сложнее противопоставить ей свою версию. Поднятая с постели Томоко сразу же, без малейших сомнений, приняла установившуюся точку зрения на случившееся.

² *Тян* – уменьшительно-ласкательная частица.

Всю ночь на побережье с интервалами в несколько метров горели костры, каждые полчаса мужчины заходили в воду, пытаясь найти утопленников. Томоко не отлучалась с берега ни на минуту. Спать она не могла – слишком велико было возбуждение, да и выпалась она после обеда.

Рассвело. По просьбе полиции в это утро рыбаки не вышли в море закидывать сети.

Из-за крайнего левого мыса взошло солнце. В лицо дохнуло утренним ветром. Сегодняшний восход был для нее страшен. Ей казалось, что с наступлением дня весь ужас происшедшего станет несомненным, трагедия обретет реальность.

– Вам надо отдохнуть, – сказал кто-то из стариков. – Мы разбудим вас, когда найдем их. Положитесь на нас.

– И то верно, – подхватил администратор, его глаза покраснели после бессонной ночи. – Столько несчастий, столько горя – заболете еще. Подумайте о муже.

Томоко страшно было помыслить о предстоящей встрече с мужем. Это все равно что предстать перед судом, думала она. Но, так или иначе, встречи было не избежать. Новая неотвратимая мука неумолимо приближалась и представлялась Томоко еще одним звеном в цепи сваливавшихся на нее несчастий.

Наконец она набралась решимости дать мужу телеграмму. К тому же под этим предлогом можно было уйти с пляжа, а то ей уже начинало казаться, что ныряльщики ждут от нее каких-то особых указаний.

Томоко повернулась было идти, но оглянулась. Море дышало покоем. Рябь на волнах вспыхивала серебристыми бликами. Из воды выпрыгивали рыбешки, будто распираемые безудержной веселостью. Собственное несчастье показалось Томоко страшной несправедливостью.

* * *

Мужу Томоко Масару Икуте было тридцать пять лет. Он окончил институт иностранных языков и еще до войны работал в американской торговой фирме, так что английским владел в совершенстве, на работе его ценили. Человек он был немногословный, но прекрасный работник. Теперь он возглавлял филиал американской автомобильной компании. Он разъезжал на принадлежавшем фирме автомобиле (главным образом, для рекламы) и получал в месяц целых 150 тысяч иен. Были у него и кое-какие побочные доходы, так что Масару без труда содержал семью, включавшую кроме жены, сестры и троих детей еще и горничную. Не было никакой экономической необходимости сокращать это семейство разом на три рта.

Томоко предпочла телефону телеграф, потому что боялась разговора с мужем. Получив телеграмму, служащая токийского почтового отделения, как это делается обычно, позвонила по телефону адресату. Масару Икута как раз собирался на работу. Услышав звонок, он подумал, что это из фирмы, и, не ожидая ничего дурного, снял трубку.

– Срочная телеграмма из А., – услышал он женский голос, и сразу тревожно защемило сердце. – Читайте. Слушаете? «Ясуэ умерла. Точка. Киё и Кэйко пропали. Точка. Томоко».

– Прочтите снова, пожалуйста.

Во второй раз телеграмма звучала точно так же. «Ясуэ умерла. Киё и Кэйко пропали». Масару ощутил прилив злобы. Словно вдруг, ни с того ни с сего, ему вручили уведомление об увольнении. Он положил трубку, в груди все клокотало от обиды.

Пора было садиться в машину и ехать в фирму. Масару тут же позвонил и предупредил, что его не будет. Сначала он хотел поехать до А. на своей машине, но потом решил, что вряд ли стоит в таких расстроенных чувствах садиться за руль, – дорога чересчур длинна и опасна. Тем более, он недавно попал в аварию. Итак, Масару предпочел ехать поездом до Ито, а оттуда взять такси.

Поистине удивителен процесс, происходящий в душе человека, с которым стряслось нечто неожиданное. Масару еще не знал толком, что именно произошло в А., но, перед тем как отправиться в дорогу, захватил из дому побольше денег. Он знал, что трагические происшествия всегда требуют расходов.

В такси по дороге на вокзал Масару не испытывал никаких особых чувств: вернее всего, его душевное состояние можно было бы сравнить с нетерпением полицейского инспектора, спешащего поскорее попасть к месту преступления. Масару не столько переживал, сколько пытался предположить, что же там все-таки произошло, – он прямо дрожал от любопытства, так хотелось узнать все подробности события, которое произведет столь значительные перемены в его жизни.

В такие минуты несчастье, мысли о котором мы вечно гоним подальше от себя, мстит нам за пренебрежение полной мерой. Как гоняемся мы за счастьем в хорошие времена, как носимся с ним, но что от него проку в ненастные дни нашей жизни? Редко сталкиваемся мы с несчастьем, и трудно нам при встрече сразу распознать его черты.

«Могла бы позвонить, да, видно, побоялась, – безошибочно определил Масару ход мыслей жены. – Так или иначе, все равно нужно ехать и разобраться во всем самому».

Он смотрел из окна такси на токийские улицы. Был самый разгар лета, от толп прохожих, одетых в белое, сияние утра делалось еще нестерпимее. Густо чернела тень аллея, напряженно натянулся красно-белый тент над входом в чей-то отель, словно с трудом удерживая раскаленный металл льющихся с неба лучей. Выкопанная совсем недавно земля на участке, где велись строительные работы, уже сохлась и побурела.

Весь окружавший Масару мир продолжал жить так, будто ничего не случилось: Масару даже мог, если бы захотел, уверить себя в том, что у него все в порядке. Он ощутил странную, какую-то детскую досаду. Нет, ну действительно: где-то далеко стряслось нечто, в чем он нисколько не виноват, и сразу же отрезало его от всего остального мира.

Чтобы доехать до Ито, надо садиться в поезд на Сонан и в Ацуми сделать пересадку. Утром в будний день свободных мест в вагоне было сколько угодно.

Как подобает сотруднику иностранной фирмы, Масару даже в самую жару носил пиджак и галстук. Одеколон заглушал запах пота, но временами по спине, вдоль позвоночника, и по животу стекали холодные струйки.

Масару подумал, что из всех пассажиров нет никого несчастнее, чем он, и эта мысль сразу словно бы перевела его в новое качество, подняла на более высокую ступень. Или спустила ступенью ниже? Теперь он не такой, как все, его природа отлична. Это ощущение было для Масару внове. Младший сын богатого провинциального семейства, он с гимназических лет жил в Токио, у дяди (теперь уже покойного); денег из дому ему присылали достаточно, так что на хлебником он себя не чувствовал; всю войну тихо проработал в департаменте информации, дававшим бронь от армии; потом женился на девушке из хорошей токийской семьи; получил свою долю наследства, построил дом, добился завидного – да еще какого завидного – положения. Масару всегда считал себя удачливее и способнее других, но чтобы ощутить себя человеком иного по сравнению со всеми качества, – такого с ним еще не случилось.

Наверное, человеку, родившемуся с огромным родимым пятном на спине, иногда ужасно хочется закричать:

– Эй, господа! Вот вы смотрите на меня и не знаете, что под одеждой, на спине, у меня здоровенное пятно винного цвета!

Вот и Масару с трудом сдерживался, чтобы не объявить пассажирам:

«Эй, господа! Вот вы сидите тут и не знаете, что я сегодня лишился двоих детей, да еще и сестры в придачу!»

Масару совсем пал духом. Хоть с детьми бы как-нибудь обошлось, взмолился он. Может быть, дети просто заблудились где-нибудь, а Томоко в панике телеграфировала «пропали».

Может, он едет в поезде, а домой уже принесли новую телеграмму, что все хорошо? Масару всецело погрузился в собственные переживания, они сейчас казались ему значительнее самого происшествия. Ну почему он сразу же не позвонил из дому в «Эйракусо»?

Площадь перед станцией в Ито была залита солнцем. Такси полагалось заказывать в маленькой дощатой будке. Солнце безжалостно просвечивало диспетчерскую насквозь, и висевшие на стене листки расписаний покоробились и пожелтели.

– Сколько стоит доехать до А.? – спросил Масару.

– Две тысячи, – ответил диспетчер, сидевший в фуражке, но с полотенцем, обмотанным вокруг шеи. То ли его одолевала скука, то ли диспетчер от природы был такой любезный, но он добавил: – Если вы не очень спешите, ехали бы на автобусе. Он через пять минут отходит.

– Спешу. Меня срочно вызвали – несчастье с родственниками.

– А-а. Мне уже рассказывали. Утонувшие в А. – ваши родственники? Какой кошмар – двое детишек и женщина.

Несмотря на яркое солнце, у Масару потемнело в глазах. С этой минуты и до прибытия в А. он не произнес ни слова.

Шоссе от Ито до А. особой живописностью не отличается. Пыльная дорога петляет по горам, моря с нее не видно. Когда такси, разъезжаясь с встречным автобусом, подавалось к обочине, по открытым окнам хлестали ветки – словно испуганная птица хлопала крыльями, – и на тщательно отутюженные брюки Масару сыпались хлопья пыли.

Масару никак не мог решить, как ему держаться с женой. Вряд ли можно было вести себя, как говорится, «естественно», поскольку испытываемые им чувства никак не подходили к ситуации. Может быть, неестественная реакция и есть самая естественная?

Такси въехало в А. Старый рыбак, несший корзинку со ставридами, шагнул с дороги на пыльную траву, пропуская машину. Его лицо почернело от солнца, на одном глазу белело мутное бельмо. Похоже, старик возвращался с мыса Накама, с рыбалки. Летом в здешних водах ловят ставриду, рыб-ворчунов, камбалу, моллюсков, а на берегу выращивают мандарины, грибы сиитакэ, апельсины.

Показались почерневшие от времени ворота гостиничного двора. Навстречу такси, стуча деревянными сандалиями, выбежал администратор. Масару машинально потянулся за бумажником.

– Я – Икута, – сказал он.

– Такое несчастье, такое несчастье, – низко поклонился администратор. Масару расплатился с шофером, кивнул администратору и сунул ему тысячеиеновую бумажку.

Томоко и Кацуо ждали в номере. В соседней комнате стоял гроб с телом Ясуэ – из Ито привезли сухого льда и обложили им труп. Теперь, когда приехал Масару, тело сожгут.

Масару вошел в номер первым, администратор – за ним. Томоко, недавно прилеглашая наконец отдохнуть, испуганно обернулась и вскочила с кровати. Заснуть она так и не смогла.

Волосы ее растрепались, халат измялся. Словно преступница, ожидающая приговора, Томоко одернула на себе халат и опустилась на колени. Движения ее были стремительны, будто она продумала все свое поведение заранее. Томоко украдкой заглянула в лицо мужу, потом рухнула на пол и залилась слезами.

Масару очень не хотелось при администраторе обнимать и утешать рыдающую жену. Это еще хуже, чем при постороннем лежать с ней в постели, подумал он. Масару снял пиджак и поискал глазами вешалку.

Томоко, оказывается, все видела. Она быстро поднялась с пола, вынула из шкафа голубую пластмассовую вешалку и взяла у мужа пропахший потом пиджак. Масару сел на кровать рядом с Кацуо, который, разбуженный рыданиями матери, открыл глаза, но продолжал тихонько лежать. Масару посадил сына на колено. Тот не шевельнулся, так и застыл, словно кукла. Какой же он легонький, подумал Масару. Будто игрушку в руках держишь.

Томоко решилась произнести слова, которых, по ее разумению, ждал от нее муж. Присев в углу и не переставая плакать, она пролепетала:

– Прости меня, прости...

Администратор, торчавший в дверях, тоже прослезился.

– Извините, что вмешиваюсь, – сказал он, – но вы уж ее не вините. Когда все это случилось, госпожа спала, она не виновата.

У Масару возникло неприятное ощущение, что все это он уже видел когда-то или читал нечто похожее в книге.

– Понимаю, понимаю, – кивнул он. Потом, как бы следуя ритуалу, поднялся – Кацуо он по-прежнему прижимал к себе, – подошел к жене и положил ей руку на плечо. Жест получился вполне натуральным.

Томоко зарыдала еще пуще.

Тела Киёо и Кэйко нашли на следующий день. Полиция вела поиски по всему побережью, и в конце концов у подводной скалы ныряльщики обнаружили двух маленьких утопленников. Над трупами успела поработать морская живность, в каждой ноздре нашли по несколько крошечных крабиков.

* * *

Происшествия такого рода выходят за пределы обычных людских представлений и привычек, но ни в какие иные моменты жизни условности и традиции не занимают столь важного места. Супруги превосходно вписались в роль убитых горем родителей, принимая многочисленные соболезнования и знаки сочувствия.

Любая смерть – это, в определенном смысле, деловая операция, так что дел у четы Икута хватало. У главы семьи, Масару, можно сказать, почти не оставалось времени, чтобы как следует предаться скорби. А Кацуо, пораженному этой вереницей праздников, казалось, что взрослые затеяли какую-то игру.

В конце концов семья справилась с многосложной процедурой. Денежные подношения от соболезнующих составили довольно значительную сумму (следует отметить, что, когда глава семьи, которую постигло горе, жив и вполне трудоспособен, пожертвования почему-то всегда больше).

Масару и Томоко сами поражались своей суетливости. Томоко просто не могла понять, как может уживаться в ней горе, от которого впору помрачиться рассудку, с преувеличенным вниманием ко всяким мелочам. Ела она, не замечая вкуса, с застывшей скорбной маской на лице, – но аппетит тем не менее был зверский.

Томоко очень боялась момента, когда из Канадзава приедут родители Масару, но те еле-еле успели к похоронам. Вновь она заставила себя произнести страшные слова: «Это я, я во всем виновата». Но потом кинулась жаловаться своим родителям:

– Это меня надо пожалеть в первую очередь! Ведь я двоих детей потеряла! А все только молча меня осуждают! Они думают, что это я во всем виновата! Ну почему я должна просить у них прощения?! Как будто я им нянька какая-нибудь, у которой по недосмотру хозяйские дети утонули! А виновата-то не я, а их ненаглядная Ясуэ. Ее счастье, что она умерла. Почему, почему никто не понимает, что больше всех страдаю я? Ведь я мать! Я разом двоих детей лишилась!

– Ты несправедлива, доченька. Никто тебя и не думает винить. Ведь мать Масару-сан сказала: «Больше всех жаль бедняжку Томоко», и заплакала, глядя на тебя.

– Это она только на словах.

Томоко безо всякой на то причины чувствовала глубочайшее неудовлетворение. Она ощущала себя заброшенной и одинокой – никто не может оценить и понять ее страданий. Она перенесла такое горе, что имеет право на любые, самые невероятные привилегии, а вместо этого должна просить прощения у свекрови! Нет, и собой Томоко была крайне недовольна. Не в силах справиться с раздражением, от которого, как от экземы, огнем горело все тело, Томоко бежала искать утешения к матери.

И невдомек было бедняжке, что в отчаяние ее приводит скудость и несовершенство человеческих чувств вообще. Действительно, абсурд – один человек погиб или десять, слезы все льют одинаково. Могут ли слезы служить мерилом чувства? И какого? Какой видится она, Томоко, другим? И в еще большее отчаяние приходила она, когда пыталась заглянуть в собственную душу и видела там лишь мрак и неопределенность.

Томоко поражало, почему она до сих пор жива. Часами стоит в трауре – в самую жару – и хоть бы что, даже в обморок не падает. Иногда подкатывала дурнота, но каждый раз выручало острое, невыразимое словами чувство – страх смерти.

– Оказывается, я сильнее, чем думала, – сказала она, прижимаясь заплаканным лицом к матери.

Вдруг Томоко пришло в голову, что ей совершенно не жаль умершую Ясуэ. Она была слишком мягкосердечна, чтобы испытывать ненависть к покойной, но если нечто, схожее с ненавистью, и оставило свой след в ее душе, причиной тому стали злосчастные четыре часа, в течение которых Томоко думала только об умершей золовке, начисто забыв о собственных детях.

Ее злило, когда Масару в разговоре с родителями плакал, жалея горемычную сестру, так и умершую старой девой.

«Неужели какая-то там сестра для него так же важна, как собственные дети», – думала Томоко. Она постоянно пребывала в напряжении. Даже после бессонной ночи, проведенной возле покойных перед кремацией, Томоко не смогла уснуть. И ничего, даже голова не болела. Наоборот, мысли были ясными и трезвыми.

Знакомые, беспрестанно навевывавшиеся с соболезнованиями, все спрашивали о самочувствии Томоко, и один раз она, не выдержав, отрезала:

– Оставьте, ради бога, мое самочувствие в покое. Жива я или умерла – какая теперь разница?!

Однако она больше не помышляла о самоубийстве, и боязнь лишиться рассудка тоже ее оставила. У нее была весьма веская причина продолжать жить дальше – ради Кацуо. Но иногда, глядя, как очередная гостя, одетая в траур, читает маленькому Кацуо детскую книжку, и радуясь тому, что не ушла из жизни в самые первые, страшные часы, Томоко неожиданно ловила себя на мысли: а что если просто у нее не хватило мужества, не хватило любви? В такие вечера, положив голову на грудь мужа, она смотрела остановившимися, пустыми, как у кролика, глазами на пол, на пятно света от торшера и жалобно повторяла:

– Во всем виновата я. Моя безответственность. Я вообще не имела права поручать Ясуэ-сан заботу о своих детях.

Голос Томоко был лишен выражения, словно она взывала к пустынным горам, которые могли ответить ей только эхом.

Масару понимал, что означают эти приступы самообвинений. Жене хотелось, чтобы на нее обрушилась какая-нибудь кара. Она, можно сказать, жаждала этой кары...

После поминок, ознаменовавших двухнедельный срок несчастья, жизнь семьи начала входить в нормальное русло. Многие предлагали супругам взять с собой ребенка и уехать куда-нибудь на курорт – отдохнуть и забыться. Но Томоко одинаково боялась и моря, и гор, и горячих источников; она не могла забыть поговорку: беда не приходит одна.

Как-то вечером, уже в конце лета, Томоко вдвоем с Кацуо отправилась на Гиндзу. Она условилась встретиться с Масару после работы и сходить куда-нибудь вместе поужинать.

Кацуо уже успел привыкнуть, что ему ни в чем нет отказа. Папа и мама вдруг стали такие ласковые, что даже страшно делалось. И обращались с ним теперь так, словно он был хрупкой стеклянной игрушкой, а уж когда надо было перейти улицу, тут мама просто с ума сходила: подхватит Кацуо на руки и со всех ног перебегает дорогу, враждебно озираясь на застывшие перед светофором машины.

В глаза Томоко бросились купальники, еще выставленные в витрине магазина, и она вздрогнула. На одном из манекенов был зеленый купальник, очень похожий на тот, который купила себе Ясуэ. Томоко отвела глаза и поспешила пройти мимо. Потом уже она все пыталась вспомнить, была у манекена голова или нет: то ей казалось, что не было, то вдруг мерещилось мертвое лицо Ясуэ – глаза закрыты, мокрые волосы спутались. Теперь в каждом манекене Томоко чудился утопленник.

Поскорее бы лето кончилось, подумала она. В самом звучании этого слова ей слышалось смрадное дыхание смерти. И сияние лета тоже казалось ей смрадным.

Еще оставалось время, и Томоко зашла в универмаг – до закрытия было минут тридцать-сорок. Кацуо потребовал пойти в отдел игрушек, и они поднялись на третий этаж. Мимо секции детских купальников Томоко протащила сына чуть не бегом. Мамаши азартно копались в груде выставленных на распродажу плавок. Одна вертела в руках синие купальные трусики, потом подняла их повыше, чтобы вечернее солнце через окно осветило товар получше. Ярко вспыхнула металлическая пряжка. Не терпится ей саван для своего сыночка подобрать, подумала Томоко.

Кацуо получил свои кубики и пожелал подняться на крышу универмага. Наверху, на игровой площадке, было прохладно. С моря дул свежий ветер, шевеля края тента. Сквозь решетку ограждения виднелся раскинувшийся внизу город, мост Катидоки, верфи Цукисима, торговые суда в заливе.

Кацуо выдернул ручонку из материнской ладони и подошел к клетке с обезьяной. Томоко, не теряя бдительности, встала за спиной сына. От обезьянника страшно несло – ветер дул с той стороны, что ли. Наморщив лоб, обезьяна с задумчивым видом разглядывала мать и ребенка. Придерживая одной рукой зад, перебралась на другую ветвь; сморщенная старческая мордочка отвернулась, и Томоко увидела маленькое и грязное, все в красных прожилках ухо. Никогда еще она не рассматривала животных так внимательно.

Неподалеку от клетки был небольшой бассейн с фонтанчиком посередине. Фонтанчик не работал. На выложенных кирпичом бортиках бассейна стояли кадки с деревцами, а меж ними – того и гляди упадет – ковылял малыш примерно одного возраста с Кацуо. Взрослых поблизости не было.

«Ну же, упали! Свались в бассейн и утони!» – страстно взмолилась вдруг Томоко, жадно следя за неуверенными шажками ребенка. Но мальчик не падал. Он обошел весь бассейн, потом заметил, как внимательно смотрит на него незнакомая тетя, и улыбнулся ей, гордый своей смелостью. Томоко не улыбнулась ему в ответ. Ей почудилось, что мальчик над ней издевается. Дернув Кацуо за руку, она зашагала к выходу.

За ужином Томоко долго молчала, а потом сказала мужу:

– А вид у тебя ничего, довольный. Что-то непохоже, чтоб ты сильно переживал.

Масару поперхнулся и оглянулся на соседние столики.

– Ты что, не понимаешь? Я же ради тебя стараюсь, тебя хочу подбодрить.

– Можешь так уж сильно не стараться.

– Не будь эгоисткой. Подумай о том, как все это действует на малыша.

– Все равно! Какая из меня мать!

Ужин был испорчен.

Отчаяние, в котором постоянно пребывала жена, начинало угнетать Масару. У мужчины, помимо дома, есть еще и работа, она помогает отвлечься. Томоко же не ведала других забот, кроме своего несчастья. Каждый вечер, приходя с работы, Масару был вынужден выслушивать одни и те же однообразные жалобы. Теперь он старался приходить домой попозже.

Томоко позвала горничную, которая прежде служила у них, и отдала ей все игрушки Киёо и Кэйко – у той были дети такого же возраста.

Однажды Томоко проснулась утром позже обычного. На другом краю широкой кровати, свернувшись калачиком, спал муж, вернувшийся накануне поздно и в подпитии. В спальне еще не выветрился кислый запах спиртного. Масару перевернулся на другой бок, пружины застонали. Теперь, когда из троих детей остался один Кацуо, Томоко укладывала его на втором этаже, в их супружеской спальне, хоть и знала, что это неправильно. Сейчас сквозь две белые москитные сетки – одна над двуспальной постелью, другая над кроватью малыша – ей было видно личико ровно дышащего во сне сына. Кацуо почему-то всегда спал, скривив ротик.

Томоко высунула руку из-под полога и потянула за шнурок. Приятно было разгоряченной со сна ладонью ощущать грубую шероховатость шнура. Полог слегка разошелся. Ветви росшей под окном фирмианы, подсвеченные снизу солнцем, чернели густой тенью, широкие листья отливали нежно-зеленым. Оживленно чирикали воробьи. Они вечно затевали тарарам с утра пораньше, а потом, разделившись на группки, устраивали возню на крыше, в желобе для стока дождевой воды. Их коготки мелким горохом постукивали над головой то в один конец крыши, то в другой. Услышав знакомый перестук, Томоко невольно улыбнулась.

Утро выдалось чудесное. Вроде бы ничего особенного в нем и не было, но Томоко остро почувствовала его прелесть. Она лежала неподвижно, не отрывая головы от подушки, и всю ее переполняло ощущение счастья.

Вдруг Томоко встрепенулась – причина блаженного пробуждения стала ей понятна. Впервые за все время ей не приснились погибшие дети. Каждую ночь она видела их во сне, а сегодня – нет. Вместо них приснилось что-то глупое и приятное.

Томоко испугалась собственного бездушия и легкомыслия, заплакала, мысленно умоляя души ее несчастных детей простить бессердечную мать. Проснулся Масару, искоса поглядел на рыдающую жену. В ее лице он заметил нечто новое – на смену всегдашнему отчаянию пришла умиротворенность.

– Опять видела их во сне?

Жене не хотелось ничего ему рассказывать, и она солгала:

– Да.

И тут же, хоть она и сказала неправду, ей стало обидно, что муж не плачет вместе с ней. Если б он тоже заплакал, она смогла бы поверить в свою ложь.

Постепенно Томоко все чаще стала задумываться о том, по плечу ли им с Масару достойно вынести обрушившееся на них горе. Гибель детей, вне всякого сомнения, произошла по чистой случайности, но все равно, думала она, мы с Масару никак не подходим для такой страшной трагедии. Хранить в памяти это горе, помнить о нем ежеминутно – выше наших сил. Наверное, будет лучше, если родители забудут о несчастье, как забыли о нем все прочие.

Борясь с малодушием, Томоко напоминала себе, какой гнев прежде вызывали у нее утешения сердобольных старушек, твердивших: «Ничего не поделаешь, такая уж тебе выпала доля». Томоко и теперь пыталась пробудить в душе гнев и чувство протеста. Раньше безропотно покориться судьбе казалось ей чудовищным. С умершими близкими мы расстаемся не сразу, преследует ощущение, что не все еще нами сделано. Бессмысленно терзать себя запоздалыми раскаяниями, что можно было предпринять то или это и человек остался бы жив, но

мысли такого рода – наш долг перед покойными. Мы стремимся как можно дольше удержать ушедших в сфере людских понятий, на сцене нашего человеческого театра.

Томоко вкусила и раскаяние, и отчаяние по поводу скудости атрибутов скорби, отпущенных человеку, но всего этого ей было мало. И тут вдруг в ее душе возникло новое чувство – не покорность судьбе, а некое странное, прочно утвердившееся подозрение. В произошедшем несчастье она чувствовала какой-то обман. Да, все было очень уж подозрительно. Слишком кощунственно беда вторглась в спокойную жизнь благополучной семьи. Словно судьба решила жестоко отомстить всем счастливым семьям сразу. Такой удар был бесчеловечнее обычной смерти, даже убийства. Будто кто-то нарочно все подстроил: с самого начала и до самого конца события развивались нелепо, даже не пытались прикрыться личиной обыкновенного несчастного случая...

Вдруг Томоко стало страшно, что все ее слезы и страдания пропадут зря. Лето подходило к концу. Она так ждала, когда оно кончится, а теперь стало страшно. Уйдет лето, и целый год люди его не увидят. И может быть, Томоко станет казаться, что никакого лета вообще не существует. Значит, тогда и трагедии не было?..

Человек иного склада, Масару верил только в те вещи, которые казались ему понятными. Пожалуй, единственный момент, когда он изменил себе, – это поездка на такси до А. в тот памятный день. Когда в газете появилась заметка о несчастье, обрушившемся на молодую семью, Масару счел, что она смотрится вполне достойно, хотя автор и переврал возраст Ясуэ на три года. Со скорбью Масару все было ясно и понятно. Точно так же, как этот здоровый, молодой мужчина испытывал голод, теперь он испытывал горе: чтобы утолить голод, следовало поесть, чтобы утолить горе – поплакать.

Масару был тщеславнее жены, и ему импонировала роль убитого горем отца, каким видели его окружающие. Столь страшное несчастье, постигшее преуспевающего, удачливого бизнесмена, с одной стороны, обезоруживало завистников и недоброжелателей, а с другой стороны, придавало ему романтический ореол страдальца.

Чувствуя в страстности, с которой отдавалась горю жена, претензию на исключительность, Масару протестовал по-своему: по вечерам не шел домой, а отправлялся по питейным заведениям. Но спиртное не доставляло ему ни малейшего удовольствия, и присутствие незримого свидетеля, поселившегося в его душе и не дававшего ему насладиться вином, успокаивало совесть Масару. Мысль о том, что он пьет стакан за стаканом и не пьянеет, приносила ему моральное удовлетворение.

В последнее время у Масару вошло в привычку заваливать маленького Кацуо подарками. Малыш сначала радовался, но потом, видя, что родители выполняют любую прихоть, уже и сам не знал, чего желать, и все чаще смотрел на новые игрушки без интереса. Наконец он заявил: «Ничего не хочу», и родители, совсем потеряв голову, испугались, не заболел ли их сынок.

Миновало семь недель. Супруги приобрели участок на кладбище Тама – прежде у молодой семьи не было в этом необходимости. Масару договорился со своими родителями, что прах Ясуэ тоже будет захоронен здесь, в Токио: пусть сестра сопровождает детей и после смерти.

Опасения Томоко по поводу собственного бессердечия оказались напрасными, с каждым днем горе давило на нее все сильнее. В один из дней супруги, взяв с собой Кацуо, отправились посмотреть на купленный участок. Уже стояла ранняя осень.

Говорят, что у мужа и жены, проживших вместе больше трех лет, все серьезные темы для разговоров исчерпаны, но беда, произошедшая с семьей Икута, наложила на каждого из супругов свой мрачный отпечаток. Особенно это становилось заметно, когда они отправлялись куда-нибудь вместе. Постороннему могло показаться, что эта пара сошлась, привлеченная серьезностью и угрюмостью друг друга.

День выдался славный, высокое небо уже не дышало зноем.

Память подчас играет с нашим сознанием странные шутки, путая времена и наслаивая их одно на другое. Во время поездки Томоко дважды испытала на себе это свойство памяти. Возможно, во всем был виноват прозрачный, пронизанный солнцем воздух – он сделал полупрозрачным подсознательное в душе Томоко.

За два месяца до трагедии Масару, как уже упоминалось, угодил в автомобильную аварию. Он остался невредим, но с тех пор Томоко в машину мужа садиться перестала и детям не давала. Сегодня семейство тоже отправилось поездом.

На станции М. надо было пересаживаться из электрички на маленький местный поезд, ходивший до Тама. Масару поднял Кацуо на руки и шагнул из вагона на перрон первым. Томоко же замешкалась – пассажиров было много – и еле успела выскочить, двери захлопнулись прямо за ее спиной. Услышав свисток дежурного и скрежет закрывающихся дверей, Томоко вскрикнула и попыталась удержать створки. Ей показалось, что в тамбуре остались Киё и Кэйко.

Масару встревоженно схватил жену за руку и потянул за собой. Она кинула на него враждебный взгляд, словно на полицейского, посмеявшего тащить ее куда-то на глазах у толпы. Впрочем, наваждение тут же прошло, и Томоко объяснила мужу, что с ней случилось. Масару стало неприятно. Он решил, что она ломала комедию.

Прав ли был Масару? Подобное импульсивное чувство вполне может возникнуть, разбуженное воспоминанием, знакомым жестом или повторением пережитой прежде ситуации. Душа Томоко воспротивилась – правда, весьма неуклюже – безжалостной нетерпимости жизни.

Допотопный локомотив, ходивший до станции Тама, привел маленького Кацуо в восторг. Спереди у паровозика торчала широченная труба, а сам он был какой-то кургузый и одновременно высокий, словно стоял на *гэма*³. Рама окошка, из которого высовывался машинист, до того почернела, что казалось, будто она сделана не из дерева, а из антрацита. Паровоз долго пыхтел, чихал, скрежетал зубами и, наконец, побежал вперед, мимо скучных загородных садов и полей.

Томоко впервые оказалась на кладбище Тама и поразила светлой, беспечальной картине, открывшейся их взору. Какой простор отдан во владение мертвым! Какие красивые газоны, какие зеленые аллеи, какие широкие дорожки! И это бескрайнее, пронзительно синее небо! Город мертвых показался ей куда опрятнее и упорядоченнее города живых. Раньше они с мужем жили, никак не соприкасаясь с подобным миром, а теперь получили право бывать здесь часто, и эта мысль не вызвала у Томоко ни малейшего ужаса.

Надо сказать, что, хотя ни Томоко, ни Масару об этом не задумывались, их скорбная жизнь, на первый взгляд окрашенная в один только черный цвет, в то же время давала им своего рода ощущение стабильности, безопасности. Она была неизменна, ясна, почти утешительна: супруги уже свыклись со своей утратой, и, как это бывает с людьми, смирившимися с непоправимым, им казалось, что ничего более страшного произойти уже не может.

Участок, купленный Масару, находился в дальнем конце кладбища, и все трое взмокли от долгой ходьбы. Супруги с любопытством осмотрели гробницу прославленного маршала и даже улыбнулись, увидев огромное надгробие какого-то нувориша, разукрашенное зеркалами.

Томоко прислушивалась к тихому жужжанию осенних мошек, вдыхала аромат курений, смешанный с запахом листвы, и вдруг, поддавшись настроению, сказала:

– Как же здесь хорошо! Киё и Кэйко не будет тоскливо – вон какой тут простор... Я дура, да? О чем думаю...

³ *Гэма* – традиционная деревянная японская обувь с ремешками, как у пляжных вьетнамок, и зубцами на подошве; деревянная доска, на которую ставится ступня, имеет внизу выступы.

У Кацуо пересохло в горле. По дороге им попался высокий темно-синий обелиск с фонтанчиком для питья. По бетонным ступеням, кругом спускавшимся к дорожке, стекала вода – внизу темнело влажное пятно. Несколько детей, прислонив к обелиску свои сачки – наверное, они ловили на кладбище бабочек, – пили воду, брызгались, толкались, кричали. Струйки вспыхивали на солнце бледными мимолетными радугами.

Кацуо рос самостоятельным мальчуганом. Ему тоже захотелось попить воды из фонтанчика и, воспользовавшись тем, что мать не держала его за руку, он побежал к обелиску. «Куда?!» – пронзительно вскрикнула Томоко. «Пить!» – буркнул Кацуо, не оборачиваясь. Мать бросилась за ним и схватила сзади за ручки. «Больно!» – запищал малыш. Ему внезапно стало страшно: а вдруг сзади его схватило и держит какое-нибудь чудовище?

Томоко присела на корточки и повернула сына лицом к себе. Кацуо смотрел не на нее, а на отца, успевшего уйти вперед и теперь удивленно наблюдавшего эту сцену.

– Эту водичку пить нельзя. У нас своя есть.

Томоко поставила на колено сумку и стала отвинчивать крышку термоса.

Наконец они дошли до своего участка. Эта часть кладбища была еще совсем новой, все могилы остались позади. Кусты и деревца, чахлые и жидкие, росли редко, но, если приглядеться, в посадках намечался определенный рисунок. Пепел пока хранился в храме, и будущее надгробие еще ничем не было отмечено: просто квадратный клочок земли, обозначенный натянутой веревкой.

– Всех троих сюда положат, – вздохнул Масару.

Его слова не вызвали у Томоко нового прилива скорби. Как могут случаться вещи, настолько неправдоподобные, думала она. Ну утонул в море ребенок – это сколько угодно, вполне возможное дело. Но чтобы сразу три человека – бред какой-то! Другое дело, если, скажем, десять тысяч. В стихийном бедствии или в войне ничего бредового нет. Одна смерть – это серьезно, сто смертей – тоже. Нелепо, когда происходит ни то ни се.

Душа Томоко никак не могла найти меру, с которой следовало подойти к трагедии. Томоко то старалась вовсе не думать о гибели Ясуэ, то представляла себе Киёо и Кэйко одинаковыми, как бы двойняшками. Здесь, возле будущей могилы, привычные мысли овладели ею с новой силой. Она все боялась обделить скорбью одного из погибших детей. Прежняя, счастливая Томоко никого не выделяла из малышей, теперь же ее мучила странная нравственная рефлексия. Раньше она не скупилась на материнскую любовь, не задумывалась о ней, но вот со скорбью страшилась переборщить, нарушить равновесие. Скорбь – наиболее эгоистичное из всех чувств. Снова и снова Томоко пыталась горевать по Киёо и Кэйко, как если бы они являли собой одно целое, и эти попытки постепенно лишали горе самой сути, делали его абстрактным.

– Ну почему же трое! – воскликнула Томоко. – Какая нелепость! Ну почему, почему?!

Трое – слишком много для одной семьи и слишком мало для человечества. И никакой общественной значимости – не гибель при исполнении служебного долга, не гибель на поле брани. Никому не нужная, абсолютно частная смерть! Чисто женский эгоизм ставил Томоко в тупик перед загадкой этого числа – «три». Масару, как мужчина и существо более социальное, давно уже понял, что на свершившуюся трагедию удобнее смотреть глазами общества. Наоборот – и слава богу, что смерть близких не была насильственной.

Во второй раз с наслоением времен Томоко столкнулась на обратном пути, возле станции. До поезда оставалось еще минут двадцать, они гуляли по площади, и Кацуо попросил купить ему игрушечных тануки. Матерчатые зверьки, выкрашенные в коричневый цвет, с пришитыми ушами, хвостами и глазами, висели на ниточках.

– Смотри-ка! – воскликнула Томоко. – Этих тануки продают до сих пор!

– Да, похоже, нынешним детишкам они тоже нравятся.

– Надо же, я их еще девчонкой помню.

Томоко купила у маленькой старушки тануки и дала его Кацуо. Внезапно она поймала себя на том, что оглядывает соседние прилавки, высматривая игрушки для Киёо и Кэйко.

– Ты что? – спросил муж.

– Сама не пойму, что со мной сегодня творится. Вдруг подумала, что остальным тоже хорошо бы подарки купить...

Томоко подняла белые пухлые руки и с силой потерла глаза и виски. Ноздри ее задрожали, она была готова разрыдаться.

– Ну и ладно, ну и купи, – умоляющим голосом поспешно произнес Масару. – Поставим дома на алтарь.

– Не нужно. Ни к чему это. Надо было покупать, когда мне вдруг поверилось, что они живы.

Томоко прижала к лицу платок. Мы-то живы, а они умерли, думала она. Какая страшная несправедливость! Как это, оказывается, жестоко – оставаться в живых.

Она еще раз обвела взглядом привокзальную площадь: красные флажки над дверями ресторанчика, сверкающие белизной мраморные плиты у входа в похоронную контору, почерневшие сёдзи вторых этажей, черепичные крыши, небо, синева которого к вечеру приобрела прозрачность фарфора. Как отчетливо видна любая мелочь, подумала Томоко. Этот жестокий мир до того спокоен, что притупляет любое, самое глубокое чувство.

* * *

Осенние дни сменяли друг друга, и к семье Икута постепенно возвращались мир и покой. Супруги, конечно, продолжали горевать, но теперь Масару, довольный тем, что жена понемногу приходит в себя, и влекомый любовью к малышу, стал приходить домой куда раньше; уложив Кацуо спать, они с Томоко старались избегать печальной темы, а если разговор и заходил о погибших детях, то оба находили в этом утешение.

Чувствуя, как страшная трагедия мало-помалу тускнеет, растворяется в повседневной жизни, Масару и Томоко начинали испытывать странную, смешанную со стыдом тревогу, словно они совершили какое-то чудовищное преступление, так и оставшееся нераскрытым. Они все время помнили, что трех членов семьи недостает, но временами даже это ощущение давало им удовлетворение, опору в жизни.

Никто не сошел с ума, никто не покончил с собой. Никто даже не заболел. Случилось такое ужасное происшествие – и почти никакого следа, никаких последствий. Томоко начала скучать. Ей казалось, что она все ждет чего-то.

Долгое время спектакли и концерты были для скорбящих супругов под строжайшим запретом, но теперь Томоко, изнывая от тоски, придумала прекрасный повод отменить это табу: подобные развлечения для того и существуют, заявила она, чтобы помогать людям справиться со своим горем. На гастроли в Японию как раз приехал знаменитый американский скрипач, Масару удалось достать билеты, и они с Томоко отправились на концерт. Кацуо было решено оставить дома – отчасти из-за того, что Томоко захотела поехать на машине.

Томоко приводила себя в порядок очень долго. Больше всего времени заняла прическа – все эти месяцы она совершенно перестала следить за волосами. Увидев в зеркале свое накрашенное лицо, Томоко вспомнила все давно забытые радости жизни. Ну с чем сравнить самозабвенное наслаждение, которое испытываешь, изучая свое отражение в зеркале? Она совсем забыла это праздничное чувство: горе с эгоистичным упорством гонит прочь любые удовольствия.

Томоко долго не могла выбрать кимоно и *оби*⁴. Наконец остановилась на лиловом кимоно, которое надевала в особо торжественных случаях; повязала его парчовым поясом. Более роскошного наряда у нее просто не было. Масару, ждавший Томоко в машине, прямо ахнул, увидев, какая красавица у него жена.

В фойе концертного зала все смотрели на Томоко, и это было необычайно приятно Масару. Томоко же казалось, что, как бы хорошо она сегодня ни выглядела, все равно этого недостаточно. Раньше такой успех доставил бы ей немало радости и домой она вернулась бы вполне довольная собой. Томоко решила, что неудовлетворенность объясняется очень просто: оказавшись в столь оживленном месте, она почувствовала, что ее душевная рана еще не зажила. На самом же деле это вновь, приняв иное обличье, давала себя знать давняя обида, когда Томоко мерещилось, что окружающие недостаточно выражают сочувствие постигшему ее горю.

В антракте она с печальным видом – тут, безусловно, сказалось и действие музыки – прогуливалась по фойе. Ей встретился знакомый; он сочувственно поклонился Томоко, его соболезнующее выражение лица вполне соответствовало ее настроению. Знакомый представил своего спутника, какого-то молодого человека. Тот ничего не знал о горе Томоко и как ни в чем не бывало принялся разглагольствовать о том о сем, вставил несколько критических замечаний в адрес скрипача.

«Вот невежа, – подумала Томоко, провожая взглядом блестящий пробор своего случайного собеседника, уже затерявшегося в толпе. – Ни слова не сказал в утешение. Не мог же он не заметить, как я печальна?»

Молодой человек был долговяз, и его голова торчала над публикой в фойе. Вот он остановился поболтать с какой-то женщиной – виделся лишь верх ее прически, – и Томоко увидела его смеющийся профиль и свесившуюся на лоб прядь волос.

Она ощутила укол ревности. Неужели ей на самом деле хотелось услышать от незнакомца не выражения сочувствия, а какие-то совсем иные слова? Добродетельная душа Томоко содрогнулась при этой мысли. Да нет, такого просто не может быть. Она вполне довольна собственным мужем!

– Хочешь пить? – спросил подошедший Масару (он тоже встретил кого-то из своих знакомых). – Вон оранжад продают.

Напротив люди потягивали через соломинки оранжевую жидкость из бутылочек. Томоко близоруко прищурилась и подозрительно осмотрела прилавок. Оранжеду ей совсем не хотелось. Она вспомнила кладбище и фонтанчик, из которого запретила пить сыну. Опасность подстерегала не только Кацуо. В этой оранжевой жидкости, наверное, кишмя кишели вредные микробы.

Посещение концертного зала стало своего рода рубежом. Теперь Томоко охватила неудержимая жажда удовольствий. В потребности искать развлечения был даже какой-то привкус мстительности.

Впрочем, к супружеской измене Томоко не тянуло, она всюду ходила только с мужем и сама этого желала.

Совесь ее была беспокойна, мысли об умерших все время витали где-то рядом. Бывало, вернется она домой поздно после приятно проведенного вечера, посмотрит на спящего Кацуо, которого уложила горничная, и сразу вспомнит еще два сонных личика. И начнутся самотерзания и угрызения. Можно было подумать, что Томоко так безудержно предается удовольствиям с одной-единственной целью – вызвать эти приступы раскаяния.

Масару нередко приходилось по делам фирмы приглашать иностранных гостей в ресторан. Теперь Томоко снова, как в прежние времена, стала сопровождать мужа на эти банкеты.

⁴ *Оби* – широкий пояс для кимоно.

Она с такой тщательностью выполняла свои светские обязанности, так старательно играла роль веселой хозяйки, что пленяла гостей жизнерадостностью еще больше, чем в старые времена.

– Ты прямо чудеса творишь, – удивлялся Масару.

– Оказывается, секрет светского общения – заранее настроить себя на то, что это спектакль, – объясняла ему Томоко. – Когда я на самом деле получала удовольствие от всего этого, казалось, что я вареная какая-то, правда?

Выходные посвящались Кацуо: вся семья отправлялась гулять – то в зоопарк, то за город. Родители не могли не понимать, что ребенок, с которым так носятся, непременно вырастет избалованным и капризным, но закрывали глаза на эту опасность; они пожертвовали бы чем угодно, только бы он был жив и здоров. Все педагогические премудрости казались им полной ерундой.

Внезапная страсть жены менять наряды начинала внушать Масару тревогу, он надеялся, что Томоко увлечется каким-нибудь более безобидным занятием. Но это было совершенно не в ее характере – ей претила сама мысль о том, что можно всерьез чем-то заинтересоваться и забыть о своем горе. Погоня за удовольствиями – другое дело, ею нельзя увлечься по-настоящему, наступает пресыщение.

Томоко посещала новые выставки и спектакли, но ничто не привлекало ее внимания. Если Масару не мог ее сопровождать, она брала с собой бывших школьных подруг, тех, у кого много свободного времени. Одна из ее приятельниц сходила с ума по исполнительнице мужских партий в женском оперном театре. Какая глупость, думала Томоко, выслушивая в ресторане изливания своей знакомой.

Та осыпала певицу подарками. Рассказывала она об этом, в общем-то, невинном увлечении таинственным шепотом.

Один раз Томоко побывала даже за кулисами. Певица, одетая в белый фрак, сидела, небрежно развалившись на *дзабутонах*⁵. На стене уборной были развешаны какие-то испанские одеяния, в которых ей предстояло выходить на сцену во втором и третьем актах, а у двери толпились поклонницы знаменитости. Они все словно воды в рот набрали и только жадными глазами, затаив дыхание, следили за каждым жестом своего кумира.

Томоко вообще не любила женскую оперу, потому что большинство актрис и слушательниц составляли старые девы. Правда, были и исключения из общего правила, вроде ее приятельницы. Но уж актрисы-то, во всяком случае, почти все были девицами.

Например, вот эта, нарядившаяся в белый мужской фрак. Ничего она от жизни хорошего не видела, зато и лишиться ничего не могла. Певица смотрелась в зеркало, водила по губам помадой, зажатой в тонких пальцах, – старалась прикинуться мужчиной как можно убедительней. Видимо, она представляла себе мужчину точно так же, как ее стародевическая аудитория, и в этом было нечто большее, чем фантазирование; в этом чувствовалась работа коллективного воображения, то, что в рекламных буклетах называется «мечтой».

Томоко больше не раздражало то сложное сочетание пережитого опыта и мечтаний, из которого состоит человеческая жизнь. Она вовсе не отказалась от мечты как таковой. Наоборот, владевшие ею грезы были определеннее и сильнее тех, что рисовались старым девам. Пожалуй, даже романтичнее. «Из твоего тела выходит ребенок, а потом этого ребенка ты теряешь навсегда. Что может быть величественней и несокрушимей? – думала Томоко. – Они тут и понять-то такое не в состоянии».

И вдруг Томоко захотелось снова родить ребенка. Почему-то именно девочку. Правда, она вовсе не беременна... Ах, как было забавно сажать маленькую Кэйко перед зеркалом и смотреть, как она мажет личико косметикой! Девочки, даже самые крошечные, обожают возиться с пудрой и помадой – так едва родившийся котенок уже охотно лакает сливки. Кэйко,

⁵ *Дзабутоны* – подушки для сидения.

подражая матери, поджимала ротик, водила по нему помадой, а потом с удовольствием облизывала накрашенные губы. «Нисколечко не вкусно», – заявляла она при этом. Еще Кэйко запомнила слово «лосьон» и однажды, когда воспитательница в яслях показала детям пион и спросила: «Ну, кто знает, как называется этот цветок?» – Кэйко радостно выпалила: «Он называется лосьон!..» А еще был случай, когда воспитательница нарисовала на доске *кото*⁶ и тоже спросила, что это такое. Немного подумав, Кэйко ответила: «Я знаю, это коридор!..» Еще дочка обожала запоминать названия песен, хотя у нее и не всегда это получалось. Однажды, вернувшись от дяди, бывшего моряка, она похвасталась матери: «Мама, а я выучила „Зажжем лампаду за отчизну“, „В море, в море за тунцом“ и еще „В борделе светится окошко!..“» Вдруг Томоко стало страшно: а что если девочка, которая еще не родилась, тоже когда-нибудь останется лишь в воспоминаниях матери? Нет, рано ей рожать ребенка; сейчас все силы уходят на то, чтобы просто продолжать существовать. Так, наверное, и будет до тех пор, пока горе не начнет забываться...

Приятельница потянула Томоко за рукав. Все кругом зашевелились – певице пора было на сцену.

Томоко и ее подруга вышли в коридор, чтобы вернуться в зрительный зал, но немного запоздали: их подхватила и завертела стайка полуголых танцовщиц из кордебалета; они потеряли друг друга из виду. Нахлынувший волной запах пудры, доносящийся со всех сторон шелест шелковых юбок показали Томоко символом сумбура и кутерьмы, именуемых «развлечением и удовольствием». Болтая между собой на осакском диалекте, танцовщицы снежной лавиной пронесли по коридору к выходу на сцену. Томоко бросилась в глаза штопка на шелковом трико одной из балерин. Заштопано было так аккуратно, что Томоко, во всем любящая основательность, поневоле умилилась. Ей вспомнилась Ясуэ. Она играла в семье роль сноски, примечания: что-то объясняла самим фактом своего существования, раскрывала труднодоступную загадку, которой является счастливое семейство.

Заштопанное трико исчезло за спинами, обтянутыми точно такой же шелковой тканью; кордебалет упорхнул за смутно светившуюся впереди декорацию. Томоко снова увидела приятельницу – та, раскрасневшаяся от волнения, что не успеет войти в зал, махала ей издали сумочкой.

Вернувшись вечером домой, Томоко рассказала мужу про заштопанное трико. Масару слушал с интересом, но пока не мог понять, куда клонит жена, только молча улыбался. Он очень удивился, когда Томоко вдруг заявила, что хочет научиться шить. Его уже не в первый раз поражала непредсказуемость женского мышления.

Итак, Томоко начала учиться искусству кройки и шитья. К развлечениям она интерес почти утратила. Решив стать образцовой хранительницей очага, Томоко как бы заново внимательно присматривалась к окружающему ее миру. Пора повернуться к жизни лицом, думала она.

Оказалось, что окружающий мир, в течение долгого времени предоставленный сам себе, носит следы запустения. У Томоко было ощущение, будто она вернулась из длительного путешествия. С утра до ночи она занималась уборкой, стирала.

В ящике для обуви Томоко обнаружила ботинки Киё и голубые матерчатые тапочки Кэйко. находка надолго погрузила бедную мать в невеселые раздумья, закончившиеся приятными слезами. Напоминания о прошлом казались Томоко дурным предзнаменованием; расстроганная собственной щедростью, она позвонила одной своей подруге, занимавшейся благотворительностью, и отдала в приют все вещи Киё и Кэйко, даже те, что могли подойти Кацуо.

⁶ *Кото* – струнный музыкальный инструмент вытянутой формы.

Томоко много времени просиживала за швейной машинкой, и гардероб Кацуо постоянно увеличивался. Она хотела еще научиться кроить модные шляпки для себя, но так и не собралась. Сидя за машинкой, Томоко забывала о своей горе. Ровный стрекот иглы, монотонные движения заглушали сбивчивый и трепетный голос чувств.

Томоко даже делалось странно, отчего она раньше не додумалась до такого механического лечения своей скорби. На самом же деле ее душа просто достигла той ступени, когда мысль о подавлении чувства с помощью машины больше не вызывает протеста. Однажды Томоко уколола палец. Сначала было больно, потом из ранки словно нехотя засочилась кровь, повисла красной каплей. Томоко стало страшно. Боль в ее восприятии связывалась со смертью.

Страх сменился сентиментальным волнением: если ей суждено умереть от такого пустяка, ну и пусть – она только рада будет последовать за своими бедными детьми. Томоко исступленно крутила ручку, но надежный механизм больше не пытался проколоть ей палец и убивать ее тоже не собирался...

И все же Томоко не была удовлетворена жизнью. Она все ждала чего-то. Иногда это необъяснимое ожидание вставало преградой между ней и Масару, и супруги целый день не разговаривали, словно тая друг на друга горькую обиду.

Приближалась зима. Надгробие уже было готово, и прах захоронили.

В тоскливую зимнюю пору всегда охватывает ностальгия по лету, и страшная тень воспоминаний стала резче. Но сама трагедия начала приобретать черты предания. Зимой, у огня, все минувшее, хотите вы этого или нет, утрачивает реальность.

И собственное безутешное горе теперь тоже представлялось Томоко чем-то вроде сказки, каким-то эмоциональным всплеском. Снова вспомнились немислимые, невероятные совпадения, приведшие к трагедии, – если то был вымысел, легенда, все сразу становилось на свои места.

Однако у Томоко пока не хватало мужества вообразить и погибших детей с Ясуэ тоже плодом фантазии. Даже сейчас для нее не было ничего реальнее воспоминания о прежнем сказочном счастье.

* * *

В середине зимы стало ясно, что Томоко беременна. С этого момента забвение уже на полных правах пустило корни в ее душе. Никогда прежде Масару и Томоко так не волновались: казалось невероятным, что все пройдет благополучно, естественным представлялся мрачный исход.

Но беременность развивалась нормально. Новые переживания воздвигли стену, отгородившую прошлое. На самом деле душевная рана уже успела зарубцеваться, и теперь оставалось только найти в себе силы признать это; ожидание ребенка дало Томоко такие силы.

Супруги не успели до конца разобраться, что же все-таки означало произошедшее с ними несчастье. А может быть, и ни к чему было в этом разбираться? Отчаяние, пережитое Томоко, имело немало составляющих. Отчаяние по поводу того, что случившийся с ней кошмар не лишил ее рассудка; отчаяние, вызванное собственным здравомыслием; отчаяние от сознания того, насколько крепка и устойчива нервная организация человека, – все эти виды отчаяния она вкусила в полной мере. Какой же силы должен быть удар, чтобы человек впал в безумие, чтобы он умер, наконец?! Или безумие – вообще удел избранных и обычные люди на него неспособны?

Что помогает нам сохранить рассудок? Гнездящаяся в нас жизненная сила? Эгоизм? Привычка хитрить с собой? Ограниченность нашей восприимчивости? А может быть, нас спасает от безумия только неспособность понять его природу? Или человеку вообще дано лишь переживать состояние горя – и не более, какая бы страшная кара его ни постигла, в него изна-

чально заложена способность выдержать все? Что же, тогда обрушивающиеся на нас удары судьбы – всего лишь испытания?

Неспособный охватить рассудком свое горе, человек часто подменяет понимание воображением. Томоко очень хотела во всем разобраться. Трудно понять суть произошедшего, когда оно еще здесь, рядом, думала она. Понимание должно прийти позднее; тогда испытанные чувства поддадутся анализу, можно будет все вычислить и разъяснить. Пока же, оглядываясь назад и вспоминая свои переживания сразу после несчастья, Томоко ничего, кроме недовольства собой, не ощущала. Это недовольство оказалось даже более живучим, чем скорбь; оно легло осадком на сердце, и ничего с ним поделать было нельзя.

Томоко не могла сомневаться в искренности своих чувств – ведь она мать. Но и от сомнений отделаться тоже не могла.

В таких случаях реальная жизнь неспособна дать человеку утешение; но теперь эта самая реальность зрела в утробе Томоко, мстила за небрежение, в котором ее держали так долго. Она наливалась жизнью, шевелилась. Мужчина лишь умозрительно может представить себе эмоциональное состояние, в котором пребывает женщина, чувствуя, как ею распоряжается зреющая внутри реальность.

Память о пережитом горе начала тускнеть; это было еще не настоящее забвение, а словно бы тонкая ледяная корочка сковала поверхность замерзающего пруда. Лед то и дело проламывается, но за ночь смыкается вновь, закрывая воду.

Забвение набирало силу, когда ни Томоко, ни Масару о нем не думали. Оно постепенно просачивалось в их души, используя любые, самые крошечные отверстия. Невидимым глазу микробом проникало в ткани, вело кропотливую и добросовестную работу. Сама того не сознавая, Томоко претерпевала незримую метаморфозу, она была словно спящей, против воли поддающейся чарам сновидения. Ее не покидало ощущение тревоги – душа противилась забвению.

Был здесь и самообман: Томоко убеждала себя, что забвение – это новая жизнь, растущая в ее теле. На самом деле зародыш лишь способствовал ослаблению воспоминаний. Картина трагедии мутнела, утрачивала резкость, тускнела и распадалась.

Некогда в лучах летнего солнца возникло белое, страшное, угловатое; оно было из мрамора. И вот истукан расплзся мокрым облаком: отвалились страшные лапы, растаяла голова, упал длинный меч. Раньше оскал каменной морды внушал ужас; черты смягчились, расплылись.

Бытие не всегда пробуждает человека к жизни, иногда оно погружает его в сон, и лучше всех живет вовсе не тот, кто постоянно бодрствует, а тот, кто умеет вовремя забыться сном.

Смерть насылает на замерзающего в снегу неудержимую сонливость; жизнь прописывает стремящемуся к ней тот же рецепт. Воля к жизни заставляет человека как бы лишиться собственной воли.

Вот и на Томоко снизошел теперь такой сон. Жизнь легко, безо всякого усилия перескочила через все благие намерения, через устои, казавшиеся незыблемыми. Томоко, конечно же, цеплялась не за устои; ее волновало только одно: насколько *искренним* было чувство, рожденное в ее душе, когда погибли дети. Сама постановка вопроса, помимо воли Томоко, требовала сделать жестокое допущение, что смерть – всего лишь один из эпизодов жизни человека. Неужели, узнав о гибели своих детей, она, мать, предала их еще прежде, чем нахлынуло горе?

Нежная и безыскусная душа Томоко была плохо приспособлена для подобного самокопания. С ее лица не сходило глуповатое выражение человека, узнавшего или заподозрившего нечто поразительное. Сама себе в прежнем, еще невинном и неведающем качестве Томоко представлялась бойкой и самоуверенной молодой мамашей.

Однажды по радио начали передавать спектакль о матери, потерявшей ребенка. Томоко тут же убрала звук и сама поразилась готовности, с которой отмахнулась от тяжелых воспоминаний.

наний. Ожидая своего четвертого ребенка, она с праведным негодованием отвергла извращенное упоение скорбью. Томоко сильно изменилась.

Надо гнать прочь темные чувства и мысли, считала она. Главное – сохранять душевное равновесие. Соображения подобной психологической гигиены устраивали Томоко куда больше, чем простое забвение. Она впервые ощутила, что свободна – свободна, несмотря ни на что. Причиной было, безусловно, все то же забвение. Томоко не переставала удивляться тому, с какой легкостью она теперь манипулирует своими душевными переживаниями.

Привычка все время помнить о горе утратилась; Томоко более не пугало то, что она не льет слез во время посещений кладбища и поминальных служб. Ей казалось, что она стала необыкновенно великодушной, что она готова простить всех и вся. Например, как-то весной, гуляя с Кацуо в парке, она увидела ребятишек, возившихся в песочнице; если прежде, сразу после несчастья, вид *чужих живых детей* сдавливал ей сердце злобой и завистью, то нынче ничего подобного она не ощутила. Она простила всех этих малышек, они могут играть спокойно.

К Масару забвение пришло раньше, чем к жене, но это вовсе не означало, что ему не доставало чувствительности. Наоборот, он убивался сильнее – мужчины более переменчивы, но зато и более сентиментальны, чем женщины. Однако скорбь оказалась непродолжительной, и, убедившись, что горе уже не одолевает его как прежде, Масару вдруг ощутил себя одиноким и даже втихомолку завел интрижку на стороне. Правда, эта связь быстро ему прискучила. А потом Томоко забеременела, и он поспешил вернуться под ее крылышко, как ребенок, спешащий к матери.

Скорбь ушла из жизни семьи – так команда покидает тонущее судно. Вскоре Томоко и Масару уже могли смотреть на случившееся взглядом постороннего, прочитавшего о трагедии в газетном разделе происшествий. Им даже не верилось, что та история имеет к ним вообще какое-либо отношение. Может быть, они просто оказались случайными свидетелями? Все участники к происшествию лица погибли, так и остались навечно связанными смертью с теми событиями. Для того чтобы какой-нибудь эпизод истории задевал нас за живое, мы должны ощущать свою от него зависимость. А что теперь связывало чету Икута с прошлым? Им и думать о нем было некогда.

Трагедия посверкивала откуда-то из-за горизонта, как фонарь дальнего маяка. Огонек то вспыхивал, то гас, как шарящий по морю луч прожектора с мыса Цумэки, что к югу от курортного местечка А. Уже не удар судьбы, а полезный урок; не конкретный факт, а абстрактная метафора. Далекий луч перестал быть собственностью семьи Икута, он теперь в равной степени принадлежал всем: он высвечивал сумятицу повседневной жизни так же беспристрастно, как свет настоящего прожектора выхватывал из тьмы скалы, рощи на берегу и белые клыки волн, вгрызающихся в унылые ночные утесы. Луч давал людям урок – простой, понятный и давно известный, родителям следовало бы вызубрить его наизусть. Урок гласил: «На пляже не спускайте глаз с маленьких детей. Ребенок может взять и утонуть в самом неожиданном месте».

Нельзя, конечно, сказать, будто Томоко и Масару пожертвовали двумя детьми да еще старой девой в придачу только в назидание остальным. Однако какой-либо другой смысл в гибели троих членов семьи отыскать было бы трудно. Впрочем, и в гибели самых прославленных героев нередко смысла ровно столько же.

Четвертым ребенком Томоко стала девочка, она родилась в конце лета. Семья была счастлива, родители Масару специально приехали из Канадзавы посмотреть на внучку. Заодно Масару сводил их и на кладбище.

Девочку назвали Момоко. И мать, и новорожденная чувствовали себя превосходно. Опыта обращения с младенцами Томоко, слава богу, было не занимать. А Кацуо не мог в себя прийти от восторга, что у него снова есть сестричка.

* * *

Прошел еще год, снова настало лето. Внезапно Томоко заявила, что хочет съездить на море, в А.

Масару был поражен:

– Как это?! Ты же сама говорила, что не желаешь никогда больше видеть тех мест!

– Не знаю. Вдруг захотелось побывать там.

– Чудная ты какая-то. Меня, например, туда не заманишь.

– Да? Ну ладно, это я так...

Несколько дней Томоко не возобновляла разговор на эту тему. Потом сказала:

– Знаешь, все-таки я хочу туда поехать.

– Ну и поезжай, если хочешь. Только одна.

– Одна – нет.

– Почему?

– Страшно.

– Чего тогда ехать, раз страшно?

– Поехали все вместе, а? Если бы ты *тогда* был с нами, глядишь, и обошлось бы. Хочу с тобой...

– Уж больно ехать туда неудобно...

Масару снова стал спрашивать жену о причинах столь странного желания. Сама не знаю, твердила она. Тогда муж, любитель детективных романов, вспомнил один из основных постулатов криминалистики и подумал: «Убийцу, несмотря на опасность, неудержимо влечет к месту преступления. Наверно, и Томоко так же тянет снова побывать там, где погибли ее дети».

Трижды заводила жена разговор о поездке – правда, очень спокойно, без надрыва, – и наконец Масару сдался. Он решил взять отгул и поехать в будний день, чтобы не толкаться в переполненном поезде. Гостиница в А. была всего одна – «Эйракусо». Масару заказал номер, расположенный как можно дальше от злополучной комнаты, где семья останавливалась два года назад. Ехать в машине мужа Томоко по-прежнему не соглашалась. Сойдя в Ито с поезда, семья взяла такси.

Лето было в разгаре. Во двориках домов, вытянувшихся вдоль шоссе, трепетали косматыми львиными гривами подсолнухи. Пыль из-под колес оседала на ясных лицах цветов, но подсолнухи сохраняли невозмутимость.

Когда слева показалось море, пятилетний Кацуо радостно закричал – он не видел морских волн уже два года.

Супруги в такси почти не разговаривали. Так трясло, что беседовать ни о чем не хотелось. Момоко иногда уже лепетала что-то вразумительное. «Море», – сказал ей Кацуо. Она показала пальчиком на лысые глинистые холмы с противоположной стороны дороги и повторила: «Море». Масару не мог отделаться от ощущения, что сын учит сестренку какому-то запретному слову.

Приехали в гостиницу. Встречать их вышел тот же самый администратор. Масару дал ему на чай и вспомнил, как совал этому человеку дрожащей рукой тысячеиеновую бумажку.

В этом году дела в «Эйракусе» шли неважно, постояльцев было мало. В номере на Масару нахлынули воспоминания, он помрачнел и прямо при детях обрушился на жену:

– Какого черта ты меня сюда притащила?! Что тут нас может ждать, кроме тяжелых воспоминаний? Только стали забывать обо всем – и вот тебе, пожалуйста. Первый раз везем дочурку в путешествие! Что, получше места не могла придумать?! На работе дел невпроворот, а ты заставила меня из-за этой идиотской затеи отгул брать!

– Но ты сам согласился.

– Так ты же пристала с ножом к горлу!

Трава в саду вспыхнула яркими красками под горячими лучами послеполуденного солнца. Все было точно так же, как позапрошлым летом. На бело-синих качелях сушились голубые, зеленые и красные купальники. Возле щита с колышками на траве валялись забытые кольца. В углу сада темнела густая тень, там лежало когда-то тело Ясуэ. Просеиваясь сквозь листву, солнечный свет падал на траву пятнами, и на миг показалось, что Ясуэ в своем зеленом купальнике все еще там, – это были проделки ветерка, колеблющего ветки и стебли. Впрочем, Масару не знал, что его сестру положили в том углу, так что жертвой галлюцинации стала одна Томоко. Для ее мужа это был просто спокойный тенистый уголок, точно так же, как на следующее утро после трагедии, когда все уже стало ясно, он еще пребывал в счастливом неведении. А остальным постояльцам и вовсе невдомек, подумала Томоко.

Поскольку жена перестала отвечать на его упреки, Масару тоже замолчал. Кацуо сбежал в сад и подобрал одно из колец, но не кинул его на щит, а пустил катиться по земле. Кольцо катилось, а мальчик, присев на корточки, на него смотрел. Вихляясь, оно описало кривую по светлым и темным пятнам. Потом подскочило, завалилось набок и скрылось в густой тени. Кацуо, не шелохнувшись, продолжал смотреть. Ему казалось, что кольцо сейчас снова поднимется и покатится дальше.

Супруги молчали. Тишину нарушал лишь стрекот цикад. Масару почувствовал, как по шее стекает пот. Тут он вспомнил о родительских обязанностях и крикнул:

– Кацуо! Пойдем на море.

Томоко взяла дочку на руки, семья вышла из ворот и зашагала через сосновую рощу к пляжу. Показалось море. Оно лежало поверх песчаной полосы берега, широкое и сверкающее, и по нему стремительно бежали волны.

Сейчас, в час отлива, на пляж можно было пройти, не поднимаясь на холм. Масару потянул сына за руку, и они ступили на горячий песок.

Людей на берегу было совсем немного, зонты стояли нераскрытыми. Семья уже обогнула холм и шла по пляжу, здесь загорало человек двадцать, не больше.

Вчетвером они замерли у самой кромки прибоя.

Сегодня, как и тогда, над горизонтом слоились тяжелые облака – даже было удивительно, отчего эти массивные, наполненные светом громады не падают вниз. Над ними синело небо, по которому шли легкие белые разводы, словно оставленные метлой, подметавшей тучи. Сплошная пелена, спустившаяся ниже, будто противилась чему-то. Избыток сияния и тени, облаченный в белые одежды, удерживала вместе некая единая воля, подобная архитектурной силе светлой музыки, вбирающей в себя темные и бесформенные страсти.

Неохватный океан начинался откуда-то из-под самых облаков и надвигался на берег. Океан был всеобъемлющ, куда больше суши, даже небольшие его бухты не казались плененными твердью. Наоборот, здесь, в широком заливе, создавалось ощущение, что это море ведет фронтальную атаку на берег.

Волны вздымались высоко. Замирали. Обрушивались вниз. Их рокот был одной природы со жгучим безмолвием летнего солнца – почти не звук, почти тишина. К ногам же семьи подкатывались уже не волны, а лирическое их перевоплощение, легкая пена, насмешливая самоирония белых громадин.

Масару искоса взглянул на жену.

Она смотрела на море. Пряди волос трепетали на ветру, жаркое солнце было ей нипочем. Глаза налились влагой и глядели вдаль с каким-то странным холодным выражением. Губы были упрямо сжаты. Она прижимала к себе маленькую Момоко, головенку которой защищала от солнца соломенная шляпка.

Масару приходилось видеть такое выражение на лице жены и прежде. С тех пор как произошла трагедия, Томоко нередко застывала вот так, словно забыв обо всем на свете, словно ожидая чего-то.

«Чего ты сейчас-то ждешь?» – хотел спросить Масару, но промолчал. Он и так это знал. Мороз пробежал по его спине, и Масару сильнее стиснул ручонку сына.

Печенье на миллион

– С тетушкой ведь договорились на девять часов? – спросил Кэндзо.

– Да, на девять. Сказала, что будет ждать у отдела игрушек, но там толком не поговоришь, и я предложила музыкальное кафе на третьем этаже, – отозвалась Киёко.

– Это ты хорошо сообразила.

Молодые супруги не спеша подошли к зданию «Нового мира»⁷ и принялись разглядывать пятиярусную неоновую башню-пагоду на его крыше.

Был влажный душный вечер, обычный для сезона дождей. Тучи низко нависали над землей, поэтому неоновый свет густо пропитывал небо. Изящная пагода, словно сотканная из легких, слабо мерцавших лучей, была поистине прекрасна. Особенно красиво она смотрелась, когда мерцание на время пропадало, пагода целиком погружалась во тьму и казалось, что остатки сияния растаяли во мраке, но тут оно вновь возникало в полном блеске. Зрелище, которое можно было наблюдать из любого места Шестого района Асакуса, вечерами стало здешней приметой вместо прежнего символа – засыпанного ныне пруда Хётангикэ⁸.

Кэндзо и Киёко, прислонившись к ограждению парковки, какое-то время смотрели вверх, где сияла воплощенная в пагоде недостижимая, запредельная мечта о жизни.

Кэндзо был в майке, грубых брюках и *гэти*. Светлокожий, с мощными плечами и грудью, между буграми мышц в подмышечных впадинах виднелись заросли черных волос. Киёко, одетая в футболку без рукавов, всегда тщательно брила подмышки, как того придирчиво требовал Кэндзо. Но когда волосы начинали отрастать, под мышками болело, снова сбрасывать их приходилось через силу, и на белой коже проступали красные полосы.

На круглом маленьком личике Киёко мило расположились симпатичные глазки и носик, на нем все выглядело к месту. Оно чем-то напоминало мордочку маленького серьезного зверька и сразу располагало людей к себе, но трудно было понять по нему хоть что-нибудь.

В руке она держала розовую виниловую сумочку и бледно-голубую рубашку Кэндзо – тот любил ходить с голыми руками.

По скромной косметике и прическе Киёко легко было понять, что живут супруги бережливо. Маленькие, чистые глаза жены ни на секунду не обращались в сторону других мужчин, только на мужа.

Они пересекли полутемную дорогу мимо парковки и вошли в торговый зал на первом этаже «Нового мира». На огромной площади повсюду громоздились горы замечательно дешевых красочных товаров, из узких щелей в этих горах выглядывали лица продавщиц, отделы заливал холодный свет флуоресцентных ламп. Позади высящихся рядами серебристо-белых макетов Токийской башни тянулись стенные зеркала, расцвеченные видами Токио: идешь вперед, а в зеркалах волнами плывут горы галстуков и рубашек, возвышающихся на противоположной стороне.

– Не могла бы я жить в такой зеркальной комнате. Неловко как-то.

– Да чего тут стыдиться.

Кэндзо говорил небрежно, однако всегда был внимателен к словам жены и не пропускал их мимо ушей. Вскоре они дошли до отдела игрушек.

– А тетушка знает, что ты любишь это место. Вот и сказала, чтобы мы встретились здесь.

– Хорошая мысль.

⁷ «Новый мир» – развлекательный комплекс, существовавший в 1959–1972 годах в старинном квартале Асакуса в Токио, где находятся храмы, древний храм Сэнсодзи, магазины традиционных ремесленных изделий, парк развлечений.

⁸ Хётангикэ – пруд, напоминающий по форме тыкву.

Кэндзо нравились игрушечные космические ракеты, поезда, машины. Не собираясь ничего покупать, он слушал объяснения продавца, пробовал пускать игрушки, Киёко чувствовала себя неудобно. Поэтому она вмешалась, потянула мужа за руку и немного отвела от отдела игрушек.

- Судя по игрушкам, которые ты выбираешь, сразу понятно, что хочешь мальчика.
- Мне все равно, мальчик или девочка. Просто хочу поскорее.
- Думаю, придется потерпеть еще года два.
- Да. Мы должны четко следовать плану.

Супруги уже давно разделили сберегательные книжки, на которые откладывали деньги, по группам и присвоили книжкам имена: план X, план Y, план Z. Ребенок должен был появиться не раньше, чем будет накоплена сумма по плану X: как бы они ни хотели, нужно терпеть. Они понимали, что покупать вещи в рассрочку обычно невыгодно, поэтому, когда выполнили планы A, B и C, впервые решили купить стиральную машину, телевизор и холодильник за наличные, тем более к этому времени планы A и B уже осуществились. План D предполагал небольшое накопление, но деньги предназначались на простой шкаф-гардероб, покупку откладывали, и нужная сумма не собиралась. Оба совсем не интересовались нарядами, им хватало той одежды, которая висела в стенном шкафу и защищала зимой от холода.

Кэндзо и Киёко были очень осмотрительны, когда им предстояли крупные приобретения. Собирали каталоги, сравнивали товары разных фирм, без усталости интересовались отзывами покупателей и, если наконец решались на покупку, отправлялись на оптовый специализированный рынок в районе Окатимати и покупали там.

Но с ребенком все будет по-другому. Для них это цель жизни, они накопят более чем достаточно, им нужно подготовиться, чтобы до тех пор, пока ребенок не станет самостоятельным, создать для него такое окружение, за которое не стыдно перед обществом. Кэндзо, спрашивая приятелей, у которых уже были дети, даже досконально изучил вопрос, как не переплачивать за молочные смеси для младенца.

Супруги вынашивали идеальные планы, поэтому презирали жизненную позицию бедняков, которые пускали все на самотек. Ребенок должен появиться на свет по плану, в идеальной для воспитания среде, и до его рождения они жили этой еще более приятной мечтой. Их мечта была незыблемой, хотя они и не загадывали слишком далеко. Просто всегда видели впереди свет.

Кэндзо не возмущали идеи молодых людей, утверждавших, что в нынешней Японии надеяться не на что. Он не был склонен вникать в суть вещей, но считал, что в той мере, в какой человек живет, уважая природу, сообразно природе и собственным усилиям, она обязательно наставит его на верный путь. Верил в это как в религию. Прежде всего следует поклоняться природе – это основа прочной супружеской связи. Именно совместная жизнь мужчины и женщины, верящих друг другу, должна быть той мощной силой, которая не даст распространиться в мире отчаянию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.